

РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

Эмилиа Остен

ГРЕШНАЯ
ЛЮБОВЬ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Emily Austen
SINFUL LOVE

Copyright © Emily Austen
All rights reserved

Литературная обработка *Н. Насоновой*

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Остен, Эмилия.

О-76 Грешная любовь / Эмилия Остен. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099473-1

Мари-Маргарита заперта в отцовском доме, как птичка в клетке. У нее есть тайна, открыть которую она не может даже на исповеди. Эта тайна обожгла ее сердце и подчинила всю ее жизнь только одной цели, к которой Мари идет, упорно сжав губы. Но появившийся в их доме молодой священник как магнитом притягивает к себе внимание молодой девушки. Все говорят, что он красив, но Мари пока не в силах понять, так ли это, потому что красивой для нее может быть только душа.

Пришло время взвесить святость и грех, положив их на разные чаши одних весов.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Насонова Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099473-1

*С благодарностью,
Эжену, Энн,
Ранди и Джулии*

Пролог

ПАРИЖ, 1635 ГОД

Новый духовник моей мачехи приехал ночью, я не спала и услышала, как карета остановилась у нашего крыльца. Привстав, я немного отодвинула занавеску, пахнущую застарелой пылью, и выглянула — так, чтобы меня не заметили с улицы, даже если б захотели. Преимущество расположения моей комнаты: окна выходят на улицу, и я вижу всех, кто приходит и уходит, если пожелаю. Мачехе это не нравится. Молодые люди могли бы воспользоваться столь вопиющим нарушением приличий, молодые люди могли бы петь серенады под моими окнами, бросать камни, обернутые бумагой с записками, пропитанными томлением, и молить о знаке. Увы, никто пока недодумался до столь бесполезного занятия.

Я не успела почти ничего разглядеть — только и увидела, как проплыла от дешевой наемной кареты широкополая шляпа да плеснул край дорожного плаща. Наш лакей следом потащил багаж, костлявая лошадь лениво прядала ушами, кучер

плевал на мостовую, поигрывая вожжами. Все это под углом, из-за пыльной занавески, в мерцающем свете факелов у дверей, на фоне масляной мостовой — к ночи снова моросил дождик.

Я отпустила занавеску и возвратилась к столу, где, заложенная льняным платком, скучала без меня книга. «Декамерон» Боккаччо. Библиотека у нас обширна и не очень юна, кое-какие книги хранятся в шкафах под замком, но я знаю, где достать ключ.

...Я снимаю щипцами нагар с восковой свечи (мадам Ботэн, наша экономка, все время ворчит, что я жгу их много — приступы случаемой с ней бережливости говорят о желчности натуры), и на мгновение меня окутывает сладкий запах, будто перетерла в ладонях пучок созревшего сена. Свечи мадам Ботэн покупает на углу у мрачного свечных дел мастера, а тот, похоже, в воск добавляет какие-то травы — иначе почему дым от фитиля пахнет не книжной тоской, а теплом летнего полдня?..

Завтра, шепчет мне пламя. Что принесет тебе завтра?

Глава 1

PERSONA GRATA¹

К завтраку у нас, как обычно, подавали кашу и свежий хлеб — без хлеба Мишель начинает капризничать, и тогда не угомонить его полдня. А если видит на столе буханку, тянется к золотистой корочке, в глазах восторг — все, няньке никаких дел не будет, тишина и покой. ПрIMITивное, первобытное колдовство, которое замаливается всеобщим показным смирением. Все мы тут немного колдуны-заговорщики. Впрочем, об этом лучше молчать.

Семья немного нервничала, конечно. Отец на несколько дней отлучился, и без него стол казался пустым, хотя был уставлен всяческой снедью, да и нас за ним сидело немало. Без отца любое помещение кажется слегка неживым — когда начинаешь понимать, каким бы все могло быть в его присутствии. Без него мачеха становится еще кислее, чем обычно, поправляет домашний чепец, почти не ест и делает всем замечания. Мишель переживает, особенно если хлеб поставили далеко от

---

¹ Личность, пользующаяся доверием (*лат.*).

него; Фредерик хмурится и язвит; я молчу, но иногда на меня находит, и тогда мгновенно вспыхивает ссора, словно пожар в лесу в июльский день. Прислуга, удостоенная чести сидеть с нами, — няня Мишеля, гувернер Фредерика, — втягивает головы в плечи. И все некрасиво и размазанно, словно холодная каша по тарелке.

Но сегодня спины выпрямлены, глаза устремлены на дверь — уже все знают, что ночью явился новый священник взамен старичка отца Августина, светлая ему память. Отец Августин скончался больше двух месяцев назад, его отпели, похоронили на кладбище Невинных, засыпали черной жирной землей, которую он так любил, — а жить приходилось в Париже. Я иногда тайком ношу цветы на его могилу. У меня всего три знакомых покойника — мать, Жано и отец Августин; впрочем, для цветов и молитв и этого достаточно.

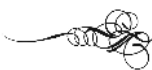
А теперь у нас новичок, и семья считает минуты до его появления. Один Мишель улыбается хлебу. Мишелю все равно.

Мачеха уже видела гостя, потому сидела, осененная тайной, а остальные изнывали и не приступали к еде. Раз приехал новый священник, нужно помолиться как следует. Хотя бы в первый день его обмануть.

— Месье Антуан, как успехи Фредерика в испанском? — поинтересовалась мачеха высоким ломким голосом, лишь бы только не молчать.

— Одолеет глаголы. — Месье Антуан дернулся; вечно небритый человек с желтоватой кожей и крошками печенья в угол-

ках рта — печенье он обожает и прячет за пазухой, чтобы лакомиться, когда никто не видит.

После того как мы вступили в войну в мае, в очередной раз объявив Испании, что она не права, одолеть только лишь глаголы — непрослительное упущение. А вдруг мы проиграем, а Фредерик-то и не знает, как сдатьсь?

Впрочем, это вряд ли. В Пиренеях люди стреляют друг в друга, а в Париже все по-прежнему.

— Мишель, сиди смирно! — Мачеха нынче не прочь покомандовать.

— Что толку, — пробормотала я, — он все равно не понимает.

Ответить мачеха не успела — дежуривший у дверей и подглядывавший в щелку Дидье распахнул дверь, впуская четкие деревянные шаги. И вслед за ними — человека, которому теперь предстоит принимать наши исповеди.

Вы должны понять меня. Всю жизнь я исповедовалась старичку Августину, но даже ему, нежному душой, подслеповатому обладателю небесно-голубых глаз, в которых светилась вера, я и половины о себе не рассказывала. Нехорошо утаивать что-то от Бога. Богу я всегда говорила все — наедине, в своей комнате, под треск пахучей свечи. А люди за столом для меня — давно ошупанные шахматные фигуры на доске; они стоят на своих местах, они не мешают мне, я знаю, как разыграть с ними партию. Новый священник, да еще из благородных, — словно ферзь, уроненный из рукава.

— Святой отец Реми де Шато! — отрапортовал Дидье, которому мачеха, конечно же, втайне дала наставления.

И вот он вошел — черная фигура, запаянная в сутану, как в доспех. Я беззастенчиво разглядывала его — мне нечего от него таиться. Сукно, сукно, сукно. Высок, скорее худ, и лицо сухое, как слом ясеня. Брови разной высоты, щеки впалые, кожа загорелая — сразу видно, приехал из глуши, где приходится много работать на воздухе. Мачеха так и говорила, что он сельский кюре. Где она о нем вызнала, вот вопрос.

Волосы у него темные, гладкие, как полированная доска, связанные в хвост. К поясу прицеплены янтарные четки: золотистый всполох в черной глубине торфяного озера. Он остановился, глядя на нас, а мы во все глаза смотрели на него, и первое впечатление текло, обрастая подробностями.

— Да благословит Господь этот дом и людей, живущих в нем.

Я облегченно вздохнула и откинулась на спинку стула: голос у него оказался неопасный. Сухой, размеренный и равнодушный, голос слепого приверженца веры, которому никакого дела нет до людей — он занят собой и Богом. Недрогнувшее лицо, едва заметно открывающиеся губы, тонкий блеск хороших зубов. Проблем не будет.

Во всяком случае, у меня с ним.

— Добро пожаловать, святой отец. — Мачеха кивнула. У нее зубы плохие, поэтому говорит она обычно, почти не размыкая губ, и редко смеется. Еще от мачехи не слишком хорошо

пахнет; она маскирует тяжелый дух стареющего тела лавандовой водой. Иногда она выливает из флакончика слишком много. Вот как сегодня.

— Да благословит вас Господь, дочь моя.

Я была права: скучен. Всего две фразы, и уже повторяется.

— Позвольте вам представить семью и слуг, — мачеха провела рукой, едва не задев соусницу. Бдительная Жюльетта, дежурившая у нее за спиной, сделала резкий жест, однако соусу повезло — он остался где был. — Это мой старший сын Мишель. — Тот встрепенулся, услышав свое имя, и улыбнулся широко — во рту полупережеванный хлеб. — Это мой младший сын и наследник рода Фредерик де Солари. — Этот опустил глаза, опасаясь смотреть на священника. — Моя падчерица, Мари-Мargarита де Солари. — И взгляд отца де Шато остановился на мне.

Мы посмотрели друг на друга пару мгновений и отвернулись. Ничего интересного. Ничего опасного. Ничего, что стоило бы принять во внимание.

Мне хочется так думать.

Мачеха между тем назвала месье Антуана и мадемузель Эжери, и пустое место за столом приняло в себя новичка. Он сел напротив меня, на уже два месяца пустовавший стул.

— Я рад познакомиться с вами, — проговорил отец де Шато; я же взялась за ложку и окунула ее в остывшую кашу. — Поблагодарим же Господа за то, что мы собрались сегодня за этим столом. — И брызнул нам в лица четкой, размеренной

латыню: — *Benedic, Domine, nos et haec tua dona quae de tua largitate sumus sumpturi. Per Christum Dominum nostrum. Amen*¹.

Пришлось оставить ложку, сложить ладонь к ладони и, уставившись в кашу, повторять за ним, выхватывая из ровного потока отдельные слова: *faciat nos, ante cenam, Rex aeternae gloriae*. Словно гладкие камни, падающие в ладонь. Ненавижу латынь.

Выдохнув над кашей и хлебом короткое благочестивое *amen*, мы снова взялись за ложки.

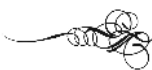
Я ела и украдкой рассматривала руки священника — выше смотреть не хотелось. Просто замечательные были у него руки, простые и честные, не то что надушенные ладошки наших дворян. Подушечки пальцев загрубевшие, костяшки сбитые, на тыльной стороне левой ладони — бугристый шрам. Хорошо могу представить, как он этими руками держит тяпку, чтобы вскопать грядку в огорожке при церкви; пропускает между пальцами душное золотое зерно, нюхает, от зерна поднимается пыльный и вкусный запах; как пальцы перебирают бобы, хватаются за топор и пилу, сжимают поводья. Сельские священники — удивительный народ. В Париже его смуглая кожа и чеканный шаг не снищут популярности. Нынче в моде бледность, надушенные платки и завивка у лучших брадобреев.

Над столом висело настороженное молчание, пока Мишель не спросил — а он редко это делает:

— Папа?

---

¹ Благослови, Господи, нас и дары Твои, которые по Твоим щедротам мы будем вкушать. Через Христа, Господа нашего. Аминь (*лат.*).

— Отец в отъезде, Мишель, — сурово сказала мачеха. Ребенок нахмурился, стараясь понять, что ему сказали, — он очень старательный, наш Мишель. Не получилось. Тогда он повторил:

— Папа!

— Мишель, он уехал далеко, — я не люблю, когда мачеха дразнит его, отвечая, как взрослому и умному, — он таким никогда не станет, ему и так тяжело жить в своем особом мире, если остальные не снисходят. Никому из нас не дано ни понять, ни объять мир Мишеля. Мы имеем шанс лишь заглянуть туда одним глазком.

Я улыбнулась и пятерней изобразила на столешнице скачущую лошадь:

— Поехал верхом. Ты же помнишь, какая у папы лошадь.

К лошадям Мишель питает нескончаемую любовь.

— Бе! — сказал он. Это значит — белая.

— Да, папа уехал на своей белой лошади. Ты помнишь, как ее зовут?

— И!

— Искра, правильно! — Я отломил большой ломоть хлеба и, привстав, протянула его Мишелю. Тот благодарно схватился двумя руками, развел в улыбке большие губы. — Папа немного покатается на ней и приедет обратно. Мы будем его ждать. Правильно?

Мишель подумал, важно кивнул и впился зубами в хлеб — на мордашке написано счастье. В состоянии счастья Мишель пребывает большую часть своей жизни. Многим из нас до него далеко.

Я села и отряхнула руки от крошек. Мачеха скривилась и отвела взгляд — спектакль, разыгранный при новом священнике, смущал ее, и вместе с тем она тайно наслаждалась, что ее грязное белье выставлено напоказ. Мишель — ее большая нечистая тайна, грех и наказание, а так сладко сознаться в грехе тому, кто свят. Я знаю ее очень хорошо. Я знала, что сейчас она ерзает от стыда и удовольствия.

Отец де Шато проследил за разыгравшейся сценкой по-прежнему бесстрастно. И тогда я начала подозревать, что он все-таки сделан из ясеня.

Таких непонятных завтраков в нашем доме давно не случилось. После того как над опустевшими тарелками был пробормотан финальный амен, мадемуазель Эжери быстро подхватила Мишеля и была такова. Месье Антуан увел Фредерика. Я тоже встала, вознамерившись уйти.

— Останься, Мари-Маргарита, — велела мачеха. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной и отцом де Шато в мою гостиную.

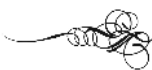
Я пожала плечами:

— Если вы считаете, что это необходимо.

Взгляд мачехи велел мне: не перечь!

Мы прошли гуськом из столовой в утреннюю комнату, а от туда — в маленькую гостиную, где мачеха любит сидеть днем и принимать немногочисленных подруг. Стены обиты темно-зеленой тканью, картины — в основном пейзажи — словно окошки в иной мир. Там веселые пастухи и пастушки играют на флейтах опрятным белым овцам.

Никогда в жизни такого не видела.

Мачеха села в кресло спиной к окну, и забравшееся между занавесками осеннее солнце высветило ей шею с завитками пепельных волос, выбившихся из-под чепца. Мне она указала на кресло в углу, так, чтобы могла меня видеть. Она всегда наблюдает за мной, как за ядовитой змеей, всегда готова к моему броску. А когда я действительно бросаюсь, изумляется.

— Прошу вас, садитесь, святой отец, — этому предназначалось гостевое кресло — роскошное, в лилиях и золоте. Отец де Шато молча сел на краешек, снял с пояса четки и принялся перебирать. Стук-стук. Стук-стук. Янтарь поблескивал в полумраке.

— Это надолго? — спросила я.

— Мы будем беседовать столько, сколько необходимо, — бросила мачеха. — Отец де Шато, утром в разговоре я не упомянула о несговорчивом характере нашей Мари. Тем более прискорбен сей факт, что она должна обвенчаться с виконтом де Мальмером не позднее чем через полтора месяца. Свадьба назначена на двадцатое октября.

— Мои поздравления, дочь моя, — уронил священник, и я внутренне ощерилась. Какая я тебе дочь, незнакомец?

Сейчас, когда он сидел вполоборота ко мне и руки оказались заняты четками, можно было посмотреть на его лицо. Ничего хорошего я не увидела. Студеный взгляд, струящийся, как ручей по камням; так и видно, как в глубине, словно рыбы, снуют мысли. Я уже понимала, к чему клонит мачеха. Она часто ворчала, что отец Августин уделял моему нравственному воспитанию слишком мало внимания.